

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

Власть говорит о советизации общества, словно сама она не советизирована. Это по-прежнему государство

Платона, государство знающих как надо Михников, которые воспитывают темное и глупое общество, вместо того, чтобы создать рамки деятельности. Не такое уж оно темное, если воспротивилось коммунизму!

Чеслав Белецкий

Я не представляю себе поэзии вне века, но я хочу сказать, что все-таки поэзия не принадлежит современникам. Она смотрит дальше, в будущее. Так она устроена. Я бы сказал, что в сихах существует настоящее время глагола, но вечно-настоящее. «Выхожу один я на дорогу...» То есть когда? А – всегда. И в прошлом веке, и сегодня. Мы попада-

Мне снилось страшное кино с самим собою в главной роли. Раскручивался киноролик,

и я летел на полотно экрана.

Там среди теней, похожих тоже на людей, я сразу в действие вломился (была завязка такова). Свои расслышал я слова и речью пламенной пленился!

Виталий Асовский

Тальшевой не доставало дорожного покоя и стука колес: она успела привыкнуть к ним в поезде, как привыкла у себя в Москве отправляться на службу одним и тем же путем, обрабатывать бумаги, в обеденный перерыв покупать продукты для семьи и вечером возвращаться домой с ощущением прожитого дня..

Валерия Шубина

ем поэту в объятья в это вечное мгновение. Поэзия вообще работает с настоящим временем глагола: «Белеет парус одинокий...» А то и пропускает этот глагол: «Кавказ под мною...» В стихах мы даже опускаем это настоящее время, настолько оно кажется нам длинным, настолько мгновенны эти ощущения!

Александр Кушнер

Тоталитарные режимы преднамеренно путают понятие культуры с понятием вежливости. Потому что диктаторы хоршо знают, что вежливость – это ключ к покорности. Вежливый человек неукоснительно исполняет требование «по газонам не ходить». Ясно, что не станет такой гражданин заниматься революцией, а уж плюнуть на портрет вождя ему и в голову не придет...

Амос Оз

Главный редактор: Владимир Максимов
Зам. главного редактора: Наталья Горбаневская
Ответственный секретарь: Виолетта Иверни
Заведующий редакцией: Александр Ниссен

Редакционная коллегия:

Василий Аксенов ● Виктор Астафьев ● Ценко Барев
Николас Бетелл ● Иосиф Бродский
Владимир Буковский ● Армандо Вальядарес
Игорь Виноградов ● Галина Вишневская
Георгий Владимов ● Ежи Гедройц
Густав Герлинг-Грудзинский ● Пауль Гома
Милован Джилас ● Пьер Дэкс ● Эжен Ионеско
Оливье Клеман ● Роберт Конквест ● Наум Коржавин
Эдуард Кузнецов ● Николаус Лобковиц
Эрнст Неизвестный ● Амос Оз ● Булат Окуджава
Ярослав Пеленский ● Норман Подгорец
Андрей Седых ● Виктор Спарре ● Юзеф Чапский
Карл-Густав Штрэм ● Юлиу Эдлис

Корреспонденты «Континента»

- Италия Сергей Рапетти
Sergio Rapetti
via Beruto 1/B
20131 Milano, Italia
- США Эдуард Лозанский
Edward D. Losansky
3001 Veazey Terrace, N.W.
Washington, D.C. 2008 USA
- Япония Госуке Утимура
Higashi-Yamato, Hikariga-oka 10-7
189 Tokyo, Japan

Присланные рукописи не возвращаются, и в переписку по этому поводу редакция не вступает.

Название журнала «Континент» – © В.Е. Максимова

КОНТИНЕНТ – CONTINENT

Revue trimestrielle

Dates de la parution:

debut du janvier, d'avril, du juillet et d'octobre

Publiee par l'Association des Amis

de la revue «Continent»

11 bis, rue Lauriston

75116 PARIS, France

Prix 60 francs

Directeur de la publication

Vladimir Maximov

КОНТИНЕНТ

Литературный, общественно-политический
и религиозный журнал

66

Кино-издательский консорциум "АВЕРС"

Москва

1991

© Kontinent Verlag GmbH, 1991
© Кино-издательский консорциум «АВЕРС», 1991

ФАКТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА

Виктор Каган

ВОСПОМИНАНИЯ О Н.В.ТИМОФЕЕВЕ-РЕСОВСКОМ

71-я камера Бутырской тюрьмы была неширокая, но большая. Вдоль длинных стен тянулись сплошные нары – от двери с большой парашей к окну, закрытому «намордником». Пространство между нарами на ночь перекрывалось дощатыми переплетами, на которых спали тоже, а кому не хватало места, залезал под нары. Людей было примерно 70–80. По традиции каждого вновь пришедшего спрашивали, что он может рассказать интересного, и днем, когда утренняя оправка и завтрак были позади, а обед или вечер где-то далеко впереди, камера его слушала. Один из активистов, знакомившихся с новичками, я так познакомился с Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским летом 1946 года.

* * *

Для нескольких интересовавшихся (в их числе был А.И. Солженицын) Николай Владимирович провел цикл лекций-бесед по биофизике. Научное содержание примерно соответствовало тому, что написано в книге Э. Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физики?», где, кстати, есть ссылки на «прекрасную работу Н.В. Тимофеева-Ресовского» и на совместную работу его, М. Дельбрюка и К.Г. Циммера.

Помню, он рассказывал о застольях в Бухе, на которых биологи и физики «в изобилии пили водку и трепались о науке». А потом высказанные за столом идеи немедленно проверялись в лабораториях. Из физиков – участников застолий он называл Нильса Бора, Паскуаля Иордана и Джона Бернала. Эйнштейна привлечь, по-видимому, не удавалось, он был погружен в теорию относительности, и Тимофеев, помню, отзывался о нем даже с некоторой антипатией. Бору он симпатизировал чрезвычайно, говорил, что «это настоящий джентльмен». Про Иордана сказал, что тот был «страшно худой и прожорливый». Надо сказать,

впрочем, что Николай Владимирович и сам был непрочь покусать... С Берналом он сотрудничал особенно тесно; тот предложил модель вируса из длинных молекул, расположенных по образующим цилиндра.

Быть может, именно эти застолья выработали у него убеждение, высказанное через много лет со ссылками на друзей-физиков, в том числе и на Бора, что формулы – это лишь способ выражения, а по существу все фундаментальные идеи можно высказать простыми словами.

Николай Владимирович особенно подчеркивал открытость работ по генетике, отсутствие борьбы за приоритет и соперничество школ. Он говорил, что это вообще было характерно для американских ученых в противоположность немецким, и в этом видел одну из важных причин, почему атомная бомба была сделана именно в США, а не в Германии. Другой причиной, по его словам, было нежелание немецких физиков давать в руки Гитлеру такое оружие: они пользовались работой в области атомного ядра главным образом, чтобы увилывать самим и спасти своих сотрудников от мобилизации в армию.

На вопрос, почему он не принял приглашения поехать в США, ответил, что ему не нравится деляческий характер и стиль жизни средних американцев, а с другой стороны – не ожидал такой крутой расправы в СССР. Николай Владимирович был настоящим русским баринком, так и держался в быту. Легко представляю себе, что американский образ жизни не был ему приятен и что его тянуло в Россию. Но мысль, будто в СССР он может рассчитывать отделаться легким испугом, показалась мне тогда крайне наивной. Много лет спустя, уже в Обнинске, его жена Елена Александровна рассказала мне о судьбе их старшего сына, схваченного гестапо, и я подумал, что действительной причиной, удерживавшей Тимофеевых в Германии, была надежда все же разыскать Фому. Впрочем, надо вспомнить, что поразительную наивность и легковерие по отношению к советской власти проявили в те годы очень многие: и старые эмигранты, и «перемещенные лица», в том числе и интеллигенты. А Николай Владимирович жил наукой, политикой не интересовался, как многие интеллигенты его поколения, любил Россию независимо от того, кто ею правит.

Как мог жить и работать в гитлеровской Германии? Так же, как могли все мы жить и работать в сталинском СССР. И ему

это было проще, потому что гитлеровцы вмешивались в науку меньше, чем сталинцы.

Для всей камеры он прочитал лекцию о жизни в Америке. Кто-то из соседей, видимо, предупредил, что, донесенная начальству, она может навлечь неприятности, и Тимофеев прочел дополнительную лекцию о теневых сторонах американской жизни, выдержанную в духе тогдашней советской пропаганды. Помню, я ее воспринял как «подходный налог», объясняемый простой и естественной трусостью. Думаю, я тогда ошибся – все было сложнее. Он ведь не боялся рассказывать о достижениях генетики, о научных заслугах арестованного Н.И. Вавилова и его вражде с Лысенко. А отсюда вырисовывалась картина «облысения биологической науки» в СССР не менее криминальная по тем временам, чем «восхваление жизни в одной из капиталистических стран». Дело было скорее в том, что аполитичный Николай Владимирович не сознал себя врагом советского режима и духу его в этом случае не на что было опереться.

Помню, он резко отрицательно отнесся к рассказам о спиритических сеансах и отказался их обсуждать. Сказал, что предсказания бывают правильные и неправильные, и число тех и других соответствует статистике случайных событий. Обсуждать же какое-то одно из таких событий нет смысла.

– По каким законам обрушился, скажем, Охтенский мост? Да по законам механики!

Помню, он сказал, что Достоевский – величайший оптимист в мировой литературе, потому что у него и Свидригайлов, и Смердяков – оба покончили с собой. Петра Верховенского, который остался жив-здоров, он почему-то игнорировал.

Года два спустя после нашей встречи я узнал, что Николай Владимирович лежал в больнице Бутырской тюрьмы.

* * *

На уральской «шарашке» он жил в коттедже с женой и сыном, которые считались вольными. Сын учился в университете в Свердловске и ездил туда в сопровождении лейтенанта. Николай Владимирович получал 5.000 рублей в месяц. Бывший мой однокурсник, пропущенный на «шарашку» по специальному разрешению, был поражен роскошным застольем с выпивкой и закуской. А освобожденный, Тимофеев оказался почти без средств. С последнего курса Ленинградского университета его в свое время выгнали за дворянское происхождение, у Фохта в Германии требовалась работа, а не диплом. Елена Александровна в

шестьдесят с лишним лет спешно защитила кандидатскую диссертацию, и содержание семьи легло на ее плечи. Ходатайства о присвоении Николаю Владимировичу докторской степени успеха не имели: Лысенко пользовался покровительством Хрущева. В конце концов решили, что Тимофееву нужно написать диссертацию. Он ее блестяще защитил, после чего она года два лежала в ВАКе без движения – вплоть до «малой октябрьской революции». После падения Хрущева положение Лысенко пошатнулось, и Николаю Владимировичу сразу утвердили докторскую степень. Это мне рассказала Елена Александровна.

* * *

Николай Владимирович читал лекцию в Ленинградском университете, кажется, на заседании кибернетического общества. Тему я уже не помню. Было что-то очень глобальное о Дарвине, роль которого он сравнивал с Ньютоном. Выступивший в прениях Александр Александрович Любищев, помнится, оспаривал роль, приписанную Дарвину, и подчеркивал заслуги Георга Менделя. Тимофеев отклонил экскурсы Любищева в то, что он назвал философией, но, помню, сказал:

– Меня нельзя заподозрить в недостаточном уважении к Менделю. Еще в те времена, когда обвинение в менделизме было вполне членовредительным, я рекомендовался: живой менделист, будем знакомы.

И ткнул себя пальцем в грудь.

Философию он, в противоположность Любищеву, не любил и, ставя очень широко научные проблемы, не связывал их, насколько помню, с мировоззренческими.

Отвечая еще кому-то, Николай Владимирович сказал:

– Вы основываетесь на понятии о прогрессе. Но никто не умеет определить, что это такое и был ли он вообще.

Несколько лет спустя, в Обнинске, он снова вернулся к этой теме:

– Способность человека воспринимать окружающее, по-видимому, не изменилась. Изобрести в свое время лук было так же трудно, как сейчас космический корабль.

И.А. Полетаев заметил:

– Пожалуй, даже труднее. Ведь тогда новым был не только предмет, но и сам факт изобретения.

После лекции я подошел к нему. Он сразу меня вспомнил. Рассказал о своем семинаре на Урале, сказал, что там участву-

ют и физики, назвал С.В. Вонсовского. Я напомнил о модели вируса и спросил о Бернале. Он рассмеялся:

– Бернал теперь борется за мир, ему не до науки.

В Обнинске я был у него только раз в конце 1964 года. Он тогда заведовал сектором в Институте медицинской радиологии. Некоторое время мы там были, а потом он сказал своей жене:

– Лёлька, пошли жрать!

– и мы отправились к нему на квартиру. Николай Владимирович надписал и подарил мне оттиск одной своей работы. Говорил про жизнь в казахстанском лагере, про описанный в «Архипелаге ГУЛАГ» семинар умиравших от истощения. Рассказал, что жизнь ему спасли уголовники, доведившие под руки на работу.

– А то упадешь – конвоир застрелит. И ведь стрелять-то чучмек не умсет, всего переранит, пока убьет.

Поставил немецкую пластинку – запись хора казаков Сергея Жарова. Рассказывал историю его и хора. Там было, помнится, 30 артистов. Каждый получал определенный высокий и твердый оклад, а остальные деньги из огромной выручки за концерты клались в банк, и из них выдавалась стипендия русским эмигрантам, кто не мог платить за обучение. Почти все русские ученые за границей – бывшие стипендиаты хора Жарова.

Говорил о старинной русской церковной музыке:

– Куда до нее Ивану Севастьяновичу Баху!

О текущей жизни, помню, сказал:

– Чтобы нормализовать жизнь нашего общества, нужно строжайше запретить перевыполнение каких бы то ни было планов и отменить новый год. В Германии мы за несколько лет накопили денег и купили нейтронный генератор, а здесь год кончился – и все нестраченное отбирают.

* * *

В 71-й камере все мы были уравниены в бесправии. Каждый сперва лежал под нарами, потом, перейдя на нары, постепенно передвигался от двери и парашки к окну. Чины и звания остались позади, на воле, и только личность имела значение для оценки человека. Четверым новичкам в знак особого уважения уступили без очереди место на нарах. Одним из них был Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский.